

События главы происходят во время первого тома пятой части (22 том по сквозной нумерации)

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Эта глава содержит значительные спойлеры к части ранобе, переведённой только рулейтом. Если вы читаете только в переводе novel.tl, вам не следует читать эту главу, вы словите спойлеры и ничего не поймёте

В покоях для гостей нет потайной комнаты. Единственный способ что-то надёжно сохранить — положить в специальную шкатулку, которую может открыть только ограниченный круг зарегистрированных лиц. Я бережно сложил магические инструменты, доверенные мне господином Фердинандом, в шкатулку.

— Экхарт, поддержи. Она мешается.

Я вытащил деревянную дощечку, из-за которой магический инструмент не помещался в шкатулке, и легонько бросил её. Деревянная дощечка, закрутившись, устремилась в руку Экхарта.— Не ожидал, что всё произойдет именно так, как написано на деревянной дощечке, а что предполагал ты?

Экхарт взял деревянную дощечку и выдохнул с облегчением. Дерево потемнело, но, хоть и с трудом, запись чернилами на дощечке все еще читалась: «Я слышал, что господин Фердинанд будет помолвлен с аубом Аренсбаха и покинет Эренфест. Я так счастлив», — написано моим почерком. Однако я не могу вспомнить, чтобы писал это.

Нет никаких сомнений, что это было написано в те три дня в бытность господина Фердинанда студентом академии, о которых у меня не сохранилось воспоминаний. Ни у меня, написавшего это, ни у господина Фердинанда, с которым я был тогда, ни у Экхарта, ни у рыцарей-учеников из Дункельфельгера.

По возвращении в общежитие из разговора с окружающими я понял, что потерял память о трёх днях с момента отправления на сбор ингредиентов. Судя по всему, на протяжении этих трёх исчезнувших дней мы занимались сбором ингредиентов, многие из материалов, которые мы планировали добыть, уже находились в распоряжении господина Фердинанда и были подходящим образом обработаны.

Рыцари-ученики из Дункельфельгера, достигнув поставленных целей, быстро рассудили, что нет никакой разницы помнят они эти три дня или нет. Однако господин Фердинанд, никогда не оставляющий надежд найти зацепки, не собирался прекращать их поиски. Но всё, что осталось — ингредиенты и несколько записей на дощечках, сделанных мной и господином Фердинандом. В конце концов, не имея другого выбора, кроме как сдаться, он прекратил расследование.

— Я был крайне доволен, впервые найдя это.

— Ох, Хайдемари была очень взволнована. Она была рада, что господин Фердинанд сможет покинуть Эренфест.

Экхарт посмотрел вдаль и с ностальгией едва уловимо улыбнулся.

На протяжении старших курсов господина Фердинанда в дворянской академии нападки госпожи Вероники усиливались всякий раз, когда он становился отличником, возможно, оттого, что предыдущий ауб лежал в постели из-за болезни.

— Хайдемари сказала, что выйдет за меня, чтобы последовать за господином Фердинандом в Аренсбах.

При переезде из-за брака одиноким членам свиты противоположного пола редко разрешалось следовать за хозяином. Рыцари и слуги выбираются того же пола, а служащим чаще всего не позволяют войти в свиту во избежание распространения информации и магических инструментов. Мне и Экхарту было бы разрешено остаться в свите, в отличие от Хайдемари, так что она планировала выйти замуж за Экхарта и последовать в другое герцогство как член его семьи. Помню, как смеялся с господином Фердинандом над тем, как это было естественно для Хайдемари.

— Хайдемари — лучшее, что случилось с господином Фердинандом.

— И с тобой, Экхарт.

Экхарт и Хайдемари были очень похожи. Оба сильно раздражали меня, поскольку часто просили рассудить их в спорах в том, кто из них полезнее для господина Фердинанда и знает больше удивительных вещей.

Я был очень счастлив найти тогда эту деревянную дощечку.

Хотя господин Фердинанд был относительно свободен в дворянской академии, у него не было иного выбора, кроме как вернуться в Эренфест после того, как помолвка с девушкой-кандидатом в аубы из Дункельфельгера была разорвана из-за решения той войти в королевскую семью.

Даже несмотря на то, что благодаря успехам господина Фердинанда Эренфест немного поднялся в ранге, герцогство осталось в стороне от политических перемен, пока ауб был прикован к постели. Очевидно, кандидат без матери совсем потеряет поддержку со смертью ауба. Ни одна из кандидаток в аубы, несмотря на таланты господина Фердинанда, не захотела бы выйти замуж за того, кто в скорости растеряет всё влияние в Эренфесте.

Деревянная дощечка, найденная мной посреди всего этого, была лучиком надежды, но я не сразу понял, что значит «жених ауба Аренсбаха». Невозможно, чтобы господин Фердинанд

стал суженым ауба Аренсбаха без смещения ауба женщиной. Даже если ауб скоро взойдет по высокой лестнице, есть два кандидата-мужчины, рассматриваемые в качестве наследников. Младшая дочь первой жены ауба Аренсбаха, мать госпожи Летиции, поступила в то время в дворянскую академию, но выпустилась без значительных связей.

Когда господин Фердинанд выпустился из академии сам и вошел в храм, он лелеял надежду на деревянную дощечку, но слух об этом больше никогда не всплывал, и он заключил, что это была ложная информация.

— Теперь мне не хочется, чтобы это сбылось ...

— Благодаря Розмайн в Эренфесте теперь намного лучше.

Волосы цвета ночного неба, глаза, сияющие золотом луны. Она необычный ребенок, чьё присутствие в компании господина Фердинанда не кажется лишним, да и её количество магической силы позволяет ей зайти в мастерскую моего господина. Юная леди — исключительно редкий человек, которому господин Фердинанд доверяет даже без посвящения имени.

— Ты знаешь, меня бы не подпустили, если бы я не посвятил своё имя.

Экхарт издал натуженный смешок с разочарованным лицом. Юная леди слишком особенная. На неё не следует равняться.

— В отличие от дворян, скрывающих чувства и их причины, простолюдины не отличаются коварством. Не совсем без этого, но чувства ими скрываются неумело. Полагаю, поэтому господин Фердинанд доверяет ей, поскольку знает, о чём она думает. К тому же я слышал, что он и юная леди однажды синхронизировались. Не поэтому ли господин Фердинанд убедился, что может доверять ей?

Он настроился на её эмоции и исследовал память. Думаю, тогда он и убедился, что может доверять юной леди. Но господин Фердинанд выглядел очень уставшим в тот момент.

Экхарт, освежив память, вспомнил и немного улыбнулся.

— Помню, в то время он спросил меня, не возьму ли я священницу-ученицу в качестве любовницы. «Раз ты не хочешь иметь больше жён в будущем, почему бы тебе не взять под свою защиту простолюдинку?» Помню, я был удивлен тем, как господин Фердинанд изменил свое решение, когда он рассказал мне, что мой отец проникся к ней симпатией и согласился её удочерить

— Если так подумать, если бы я не был одинок, я мог бы удочерить её.

— Так как ныне ты холост, Юстокс, то мой отец сам решил удочерить её. Я знал её ещё до удочерения, но после церемонии крещения, где она была признана дочерью моей матери и отца, она стала моей родной сестрой.

Если вернуться в прошлое, то, даже зная обо всём случившемся, я не понимаю, как такое могло произойти. Ну и кто мог бы помыслить, что дочь простолюдина может быть крещена как дворянка, удочерена аубом и стать из священницы-ученицы главой храма? Но благодаря изысканиям юной леди госпожа Вероника была низложена, и господин Фердинанд смог вернуться в благородное общество. Так как он думал, что не сможет покинуть храм, пока госпожа Вероника жива, его реакцией на скорое возвращение было скорее смущение и удивление, а не радость.

Юная леди, став членом герцогской семьи и главой храма, начала защищать господина Фердинанда.

Она сократила число вызовов из замка словами: «Если у вас есть вопросы, служащим следует прийти в храм» и снизила загруженность в храме, обучив новых священников, мотивируя необходимостью обучать молодое поколение.

— Будучи последователями господина Фердинанда, никто из нас не смог бы сделать этого.

— Даже если мы можем высказать жалобы, только господину Фердинанду решать удовлетворить их или нет. Госпожа Розмайн использует статус приёмной дочери ауба и главы храма, чтобы принудить его к действиям. Я немного опасюсь этого, но, считаю, это хорошо для господина Фердинанда.

Слова Экхарта заставили меня вспомнить юную леди, ведущую переговоры не только с господином Фердинандом, с которым она привыкла иметь дело в храме, но и с аубом. Даже я не осмеливался на это, но юная леди действовала с непринужденным лицом.

— Откуда же пошло бесстрашие юной леди?

— Разве господин Фердинанд не рассказывал, как она стала священницей-ученицей, надавив на прошлого главу храма и доведя того до потери сознания? Должно быть, так было с самого начала.

Обычные простолюдины были бы в ужасе. Даже живя как дворяне, они бы чувствовали вину и не смогли бы действовать как дворяне так легко. Однако юная леди не так проста. За время её обучения перед церемонией крещения она стремительно изменила свое поведение и речь, теперь они соответствовали дворянке. Она имела смелость вести переговоры с аубом, разговаривать и действовать согласно своему положению.

— Так как большая часть здравомыслия сложилась в её бытие простолюдинкой, она выглядит как дворянка, но в поведении все ещё осталось множество причуд, и всё же мне кажется, за

это господину Фердинанду она и нравится... С другой стороны для господина Фердинанда некоторые вещи кажутся неожиданными или сложными.

Господин Фердинанд описывал юную леди как невероятно слабую девушку, от которой стоит только отвести взгляд и она умрёт, и которая вместе с тем является постоянным источником неприятностей. Однако когда юная леди достигает цели, не заболев, и господин Фердинанд получает доклад об этом, он начинает выглядеть удовлетворённым, и, смотря на их обыденные разговоры в храме, я думаю, что она — положительный фактор для его повседневной жизни.

— Я не мог поверить своим ушам, когда господин Фердинанд сказал слово «семья». Но, наблюдая за взаимоотношениями господина Фердинанда и Розмайн, помогающей ему с отъездом в Аренсбах и заботящейся о нём, не могу не сказать, что они и правда выглядят как семья.

— Взаимоотношения в семье простолюдинов намного теснее, чем наши. Наверное, юная леди делает то же, что сделала бы для своей семьи из нижнего города. Она делает это для господина Фердинанда, который для неё как семья.

В жизни господина Фердинанда никогда не было случая, чтобы о нём беспокоился и заботился кто-либо посторонний, не являвшийся его последователем, посвятившим имя, или кровным родственником — его воспитание мешало ему принять доброту других. Я знаю, как он сильно ценит юную леди, которая заботится о нём без скрытых мотивов, также как я служил ему долгое время, но не думаю, что сам господин Фердинанд подозревает об этом.

— Так нужно для герцогства и ауба. Мы в том положении, что не можем действовать без веской на то причины. Мне хотелось бы остаться в Эренфесте в спокойствии, если б я мог.

— Но мы уже в Аренсбахе. Для нас невозможно вернуться.

Сказав это, я достал нож и зачистил деревянную дощечку. Слова были соскоблены наряду со старой поверхностью. Я обработал поверхность деревянной дощечки так, чтобы на ней можно было снова писать, и сжёг все оставшиеся опилки.

— Надеюсь, что с Розмайн ничего не случится. Если даже его амулеты не помогут, господин Фердинанд, вероятно, сам бросится на помощь.

— У юной леди есть Хартмут. Думаю, нам не следует волноваться лишний раз, так как рядом с ней человек, самостоятельно выяснивший её происхождение простолюдинки, но оставшийся при ней и помалкивающий.

У юной леди есть последователь, который узнал о её происхождении из расспросов в приюте и диалогов с торговцами и спросил у господина Фердинанда, как ему следует вести себя. Несмотря на то, что ощущается некоторая дистанцированность, если сравнивать с её семьёй из нижнего города, в её дворянской семье существуют отношения, которые можно было бы счесть

хорошими. Её жених, господин Вильфрид, все ещё считающийся ненадежным, намного тверже, чем другие дети его возраста.

— Я больше беспокоюсь за господина Фердинанда, чем за юную леди. С этого момента он ощутит потерю юной леди, о которой он говорил, как о проблемной и раздражающей, но которая была так открыта и щедра к нему. Было бы хорошо, если бы госпожа Летиция смогла занять место юной леди, но сомневаюсь, что это возможно. Она настоящая дворянка. Она надёжна, как дворянка, но ей не под силу заменить юную леди.

— И это не говоря ещё о госпоже Дитлинде.

Лицо Экхарта помрачнело на этих словах.

Госпожа Дитлинда смотрит свысока на жениха, назначенного королевским указом. Полагаю, это из-за того, что у господина Фердинанда нет матери, он сын любовницы и ауба из низестоящего Эренфеста. Мне было омерзительно её выражение лица, так похожее на лицо госпожи Вероники, особенно когда она говорила: «Ты мой жених и должен быть мне полезен», и «Ты выбран, поскольку ты сын ауба, так что ты должен помогать мне».

Когда госпожа Дитлинда отправилась в дворянскую академию, господин Фердинанд стал выглядеть более расслабленным. Видимо, ему довольно тяжело иметь дело с госпожой Дитлиндой, так сильно напоминающую госпожу Веронику. С этим нет трудностей зимой, но в этом году госпожа Дитлинда выпускается. Сомневаюсь, что господин Фердинанд будет в порядке, когда она будет проводить с ним всё время. Я очень тревожусь за его жизнь в будущем, но никак не могу помочь.

— Юстокс, у меня письмо из академии от Раймунда. Вместе с письмом от госпожи Розмайн из Эренфеста.

Сергиус принес письмо. Сейчас, находясь в кабинете, господин Фердинанд мельком поднял взгляд на письмо и произнес: «Это не срочно, полагаю?» — после чего вернулся к документам.

— Сергиус, прочитай и составь основу для ответа. Для ответа Розмайн попроси Юстокса.

— Да, господин.

С уверенностью могу сказать, что оно уже подверглось цензуре. Я прочёл письмо, присланное Раймундом, вместе с Сергиусом. Раймунд написал о своих наблюдениях и вопросах о магических инструментах, над которыми он работал. А письмо от юной леди было чередой повседневных мелочей и озабоченностью положением господина Фердинанда.

«Мы прибыли в дворянскую академию. Благодаря вашей выучке и подготовке, господин Фердинанд, я сдала все предметы в первый день. Что об этом думаете? Это так чудесно!»

Я честно мог похвалить её за это. Юная леди очень преуспевала в следовании обучении господином Фердинандом. Она была в силах выполнять данные ей задания, даже когда возмущалась ими: «Работы слишком много»

— Мне нужна похвала от господина Фердинанда для ответа на этот вопрос. Юстокс, какие поздравления написал бы господин Фердинанд?

— Если она сдала всё в первый день, то разве это не очень хорошо?..

— Что ещё? Юстокс, ты же не думаешь, что этого достаточно?

— Этого вполне хватит. Слова для похвалы — «хорошо», «достаточно», «неплохо», «как и ожидалось» и прочие, но это высочайшее достижение, так что самое значимое поздравление подойдет как нельзя лучше. И кстати, удостоверься, что используешь похожие слова, хваля госпожу Летицию, так что прошу обсудить это с её свитой, чтобы позже не возникло недоразумений.

Сергиус выглядел ошеломлённым и сбитым с толку.

— Это единственные возможные слова похвалы?

Не ждите от господина Фердинанда слов похвалы. Если вы попросите большего, вы получите только те же слова, какими сам ауб награждал его. Далее я прочёл оставшуюся часть письма юной леди.

«В библиотеке новый библиотекарь, поэтому я могу оставаться в лаборатории учителя Хиршур в этом году, лишний раз не тревожась. Материалы там раскиданы в таком беспорядке, что я начала раскладывать их со своей свитой. Забавно думать о себе, как о библиотекаре лаборатории. Учитель Хиршура рассказала, что прежде вы, господин Фердинанд, занимали эту роль. И добавила, что мы очень похожи как наставник и ученица».

Господину Фердинанду, неспособному смириться с пропажей материалов, не оставалось ничего, кроме как самому упорядочить их, но юная леди, похоже, получает от этого одно удовольствие.

— Как мне ответить на эту часть письма, Юстокс?

— Думаю, так. Будь это господин Фердинанд, он бы ответил, что нужно делать в той мере, пока это не мешает другим.

— Вы хотите отругать её в ответ?

Сергиус непонимающе моргал, но то обычный разговор между юной леди и господином Фердинандом, заканчивающийся пререканиями. Таков был бы его ответ.

За этим последовали слова беспокойства за господина Фердинанда.

«Господин Фердинанд, вы не злоупотребляете лекарствами? Достаточно ли вы спите? Хорошо ли едите? Мне очень неуютно видеть такую лабораторию. Прошу, думайте о своем здоровье в первую очередь!»

Как и ожидалось от юной леди. Она написала это так хорошо, что на лице господина Фердинанда наверняка всплывет недовольство, когда он прочтет.

Сергиус перевал на меня озадаченный взгляд.

— Юстокс, что написать на это? Я не могу ответить, может ты?

— Возможно, я смогу ответить лучше, если покажу письмо господину Фердинанду — если он не будет есть и спать, то я напишу об этом юной леди. Я предоставлю эту часть господину Фердинанду.

Предвкушаю, как господин Фердинанд попытается одурачить невообразимо проницательную юную леди. Похоже, он сегодня будет есть и спать, как положено, поэтому я читал остаток письма с улыбкой на лице.

«Ох, к слову, разве вы не играли на фешпиле в Аренсбахе? Госпожа Дитлинда хвасталась на студенческих встречах, что вы сочинили пылкую песню о любви, посвящённую Гедульрих. Пожалуйста, расскажите подробнее в письме. Жду вашего ответа».

Пылкая любовная песня, посвященная Гедульрих?

— Он сыграл новую песню в конце. Я думаю, женщины счастливы послушать подобные любовные песни. Госпожа Дитлинда была очень рада, а остальные дамы так растроганы. Подходит для фешпиля господина Фердинанда, как нельзя лучше.

Так я узнал от Сергиуса, что ностальгическая песня, которую юная леди подарила господину Фердинанду и которую тот завершил, была расценена как пылкая песня о любви.